

Полина Ледова

История одного портрета

12+

Полина Ледова
История одного портрета

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55614611

SelfPub; 2020

Аннотация

– А почему портрет не закончил, дед? – спросили мы. – Ну...
почему-почему. Как объяснишь-то. Это же жизнь целая...

Посвящается моей бабушке

В квартире Красовых держали только раскладные столы. Слишком часто семья и друзья собирались вместе, а разместить всех в небольшой квартирке по-другому бы не получилось. Обычно в дело вступал тот самый старейший советский стол с блестящей деревянной столешницей, который большую часть года сиротливо жался в коридоре, зато на праздники и дни рождения горделиво расправлял свои крылья, объединяя несколько поколений вокруг себя. Однако сегодня гостей было гораздо больше, поэтому к нему на поддержку прискакал кухонный белый столик, позволив уместить ещё человек семь, правда все всё равно сидели тесно-тесно, упирались локтями в локти, коленями в ножки героических столов, путали рюмки и бокалы, если те по небрежности оказывались рядом с соседскими, ютились в тесноте, но как обычно – не в обиде.

Повод, правда, в этот раз был не такой радостный. Наверное, даже столы изумлялись, почему гости не улыбаются, не смеются, не гремят бокалами. Такого в их квартире ещё не бывало. В большой комнате вместо радости повисли смятение, страх, плохо сдерживаемые слёзы. Что-то изменилось навсегда. Чего-то недоставало, а что-то появилось.

И точно! Появился портрет. Без рамы, над проходом в комнату висел теперь портрет моей бабушки. Она была здесь совсем молодая на фоне свежей весенней листвы, мягкие ангельские глаза смотрели вдаль, но сильнее всего взгляд цеп-

лялся за губы – полные, вырисованные так тщательно и с такой трепетной любовью. Лишь в кудрях волос и в воротнике рубашки не доставало нескольких мазков, всего пара-тройка незавершенных линий.

– Ой, дед, ты портрет повесил! Наконец-то он тут.

Взгляды всех гостей и даже нашего кота устремились на картину. Наверное, многие из них раньше портрета не видели. Дед в молодости был художником, поэтому я выросла в доме с картинами. Копии картин, выполненные маслом на больших холстах – «Утра в сосновом лесу», «Мадонны Литты» и «Сикстинской мадонны» были наряжены в шикарные позолоченные рамы и украшали большую комнату, где жили бабушка с дедом и где традиционно собирали гостей. Но вот незаконченный бабушкин портрет присоединился к ним совсем недавно.

– Сразу видно, дед в губы был влюблён, – запорхали по комнате вздохи восхищения.

– Очень хорошо получилась, Толь.

– Наконец-то портрет на своём месте, дед.

Дед задумчиво посмотрел на картину, как и все, покивал. Он всегда был немногословен, сколько я его знала, а когда почти потерял слух, то и подавно редко говорил.

– Женечка – красавица моя, – вздохнул дед. – Так и не закончил его... Ещё и краска потрескалась вон там, в уголке, – махнул он рукой.

– А почему не закончил, дед? – спросила я мягко.

– Ну... почему-почему. Как объяснишь-то. Это же жизнь целая...

***

До встречи с дедом моя бабушка жила на Париже. Но не во Франции, а в нашем маленьком городке. Такое экзотическое название район получил из-за строительства мануфактурной фабрики, которой владели французы. Впрочем, в соседней деревне был ещё и карьер с названием Байкал, а в соседнем городе – речка Амазонка. Маленькие города всегда создавали внутри себя свои мирки, так что хочешь – купайся утром в Байкале, а вечером – в Амазонке, ужинай – на Париже, и не нужна нам заграница, уже и здесь всё есть.

Бабушка со своими родителями, сестрой и братом занимали половину крошечного деревянного домика на две комнаты. Дел там всегда было много – цветы полей, крыжовник оберти, суп сварить не забудь, а хочешь мыться – ванная в саду за буйством плодовых кустов – воды натаскаешь, вот и помоешься, а за тобой и сестра с братом.

Но танцы в местном клубе – мероприятие обязательное, как же их пропускать? В тот день бабушка усиленно работала, чтобы успеть пойти на танцы к вечеру. Ей было девятнадцать лет, совсем ещё юная, совсем ещё не бабушка, но такая красотка! Я не могла её видеть тогда, но уверена, что она была самой яркой тем вечером в клубе. От неё всегда исходило золотистое сияние жизни, скорости, невероятной силы. Мне кажется, её сердце билось немного быстрее, чем у её подруг,

отчего румянец наливал щёки, как солнце – яблоки.

Дед, конечно, сразу заметил её среди остальных. Он и сам был ещё тот стилига – стрижка модная, аккуратный пиджачок, выглаженная рубашка.

– Можно вас пригласить на танец?

Подружки захихикали, поглядывая на бабушку.

– Почему нет? – улыбнулась она. Вот тогда мой дед и влюбился в эти сахарные губы. Смотрел на них весь первый танец. Он-то сразу разглядел незримый для других золотой ключ, что бил у неё внутри.

– Я Толя, – сказал мой дедушка.

– Анатолий, – поправила она его строго, ей-то негоже было сразу на личности переходить. – А меня зовут Женя, – представилась она.

– Значит, Женечка, – улыбнулся дед.

Они танцевали весь вечер. Залюбовались друг другом так, что и не запомнили, какая музыка играла. А потом пошло-поехало, одно за другим. Потанцевали в клубе, погуляли по городу, сходили в гости. Тогда все семьи жили примерно одинаково. Трудились, как пчёлы, выискивали вкусенькое и берегли всё для младших. Жили все тесно, и когда дед привёл бабушку к себе, она увидела маленькую квартирку, в которой они жили тогда с моей будущей прабабушкой Бабой-Настей.

– Ты что же, рисуешь? – спросила бабушка, разглядывая лежащий на столе деревянный этюдник с дорогими масля-

ными красками.

– А то, – усмехнулся дед, показывая ей свои наброски. – Вот обожди, пойду на фабрику художником. Платки буду рисовать. Весь город и вся страна ходить будет в моих платках!

Баба-Настя, мать моего деда, натерпелась от своего мужа, который пил, бранил и колотил, зато была очень счастлива, когда мимо шёл отряд солдат на войну, куда она его вовремя загнала. Дед тогда был ещё совсем маленький, отца и не запомнил, но зато зажили они потом хорошо. Баба-Настя приложила все силы, чтобы у деда было всё, что он захочет. Одеться модно – запросто. Фотоаппарат дорогой – найдём, сэкономим. Краски нужны – не вопрос. Жили скромно и тесно, как и все. Зато Толя выучиться рисовать и художником станет. Прославится. А её задача – помогать ему.

Я не удивлена, что бабушка была очарована дедом. Если в ней бил ключ жизни, то сердце деда было наполнено тягой к прекрасному. Он на тот момент не видел оригинальных полотен Рембрандта и Боттичелли, лишь репродукции в советской типографии с её бедными красками и скудным качеством, но он знал, что эти картины и есть воплощение красоты и хотел хоть отдалённо приблизиться к их гению. Увы, стране тогда нужны были не полотна, а платки. Не Леонардо да Винчи со своим золотым сечением, но пышные цветы, симметрично размещённые по квадратному полотну.

– А хочешь, Женечка, я твой портрет нарисую? – спросил дед, влюблённо разглядывая губы и глаза.

– Да куда там, – отмахнулась моя молодая бабушка. – А вдруг, мне не понравится? Нарисуешь меня страшной!

– Ну ты что, – засмеялся дед. – Это же невозможно!

***

Не так-то много времени прошло с момента их встречи, может, всего пара месяцев. Отчего же у моей бабушки глаза такие влажные, почему в них затаились страх и сомнения? Почему сейчас её ключ жизни бьёт так резко, так надрывно? Она стоит во дворе возле дома деда, ждёт, когда тот выйдет, чтобы поговорить. От этого разговора у неё холодеет в груди, зато в животе разливается уютное тепло.

Дед кивнул ей, не стал ничего говорить. Волнение передалось и ему. Он ведь видел по красным глазам и дрожащим губам, что дело серьёзное.

– Случилось-то что? – в конце концов спросил дед, но умом уже начал догадываться.

– Да что случилось, Толь. Ты человек порядочный? – Спросила бабушка, стыдливо пряча глаза.

– Ну, допустим, – рассудил дед.

– У нас будет ребёнок, – выстрелили в деда бабушкины серые глаза.

– Ребенок? – оторопело спросил дед.

Потянулась пауза. Бабушка ждала поддержки, защиты. Ждала и ждала ответа. Размышляла. Сомнения терзали её, как и страх.

– Как ребёнок? – переспросил дед.

– Ну вот так. – Тень сомнения заметалась в сердце, как пойманная птица. Бабушка услышала, как тихо-тихо загудела натянутая между ними нить. – Вот и думай теперь, как ты поступишь, раз такой порядочный.

Не проронив ни слезы, бабушка вернулась на Париж, полновесно ощущая свою внутреннюю женскую силу. Ощущая так остро жизнь внутри себя. Не будет рядом мужа, ну что ж. Женщины в нашем роду всегда были исключительно сильные. Она знала, что её мать, моя прабабушка, Баба-Ира, разошлась с её отцом-латышом и смогла найти нового мужа. Бабушка была старшей в семье. Помогала воспитывать сестру и брата. Её глаза горели уверенностью. Она сильная и она справится в любом случае. Потому что ключ жизни, а теперь ещё и двойной, бил внутри неё всегда.

***

Дед пришёл спустя несколько дней к калитке дома Бабы-Иры. В руках у него был большущий букет сирени.

– Чего тебе, Толь? – спросила моя Баба-Ира, глава нашей семьи, сколько я её помню. Изящная, с мягкими и добрыми чертами лица, поэтому я не удивлена, что она тогда сумела наладить свою жизнь и найти второго мужа.

– Тётъ-Ир, ну я свататься пришёл.

Лицо Бабы-Иры сразу смягчилось. С годами на нём появится столько морщин, но тогда оно было совсем гладким и нежным, только в лёгких пигментных пятнах от постоянной работы на солнце.

– На Жене, что ли?

– На Женечке, – промямлил дед.

– Это дело хорошее, – улыбнулась Баба-Ира. – Только

вот...

– Что только вот? – испугался дед.

– Ну как... приданного-то у нас нет.

– А, ну это...

– Перина только есть.

– Целая перина? – заулыбался дед.

– Ну да, пуховая. – сказала Баба-Ира.

– Ну и славно, – махнул он рукой. – В хозяйстве пригодится.

***

Настал долгожданный день бабушкиной свадьбы. Сыграть всё решили по правилам. Позвали гостей в дом невесты, обошли всех соседей, чтобы натаскать стулья, столы и посуду. Собрали пятьдесят человек в двух небольших комнатках половинки дома. Столы поставили в одной, в другой комнате, на кухне и в коридоре. Бабушкина сестра Оля всё утро наряжала бабушку и хлопотала с причёской. Посадили невесту в красный угол, а у крыльца выстроились человек пять, которые не поместились внутри, будут выкуп просить. Всё уж готово, жениха только нет.

– Да где Толя-то? Забыл, что ли? – Злилась бабушка.

– Да обожди, приедет сейчас. – Успокаивала её сестра.

– Слишком долго его нет. Вдруг передумал?

– Да приедет сейчас Толя твой. Не психуй. – Психовала Оля.

– Да где он? – на глазах бабушки наворачивались слёзы.

– Жень, ну рехнулась что ли плакать! Я тут с утра красоту навожу! Не смей!

А дедушка в это время ждал машину, нельзя же к невесте пешком. Договорился за три дня, а машины всё нет. Сидел ждал, но так и свадьбу свою пропустить недолго. Побежал на вокзал, думал, там знакомые с машиной помогут, а у них не оказалось.

– Что ж за день-то такой! – злился дед.

Так и пришлось ему через весь город на Париж бежать. В парадном костюме, нарядный, со стильной причёской. Подбежал к дому в мыле весь. Долго церемониться не стал. Денег всем заплатил и вперёд за невестой.

– Женечка!

Дед влетел в дом тяжело дыша после такой гонки, а увидел бабушку, так дыхание спёрло в груди.

– Толь! Ну заждались же совсем!

– Да знаю я, знаю. Ну это дело такое... техническое.

– Ну как, нравлюсь? – спросила бабушка кокетливо.

– Ещё б не нравилась. Тогда бы и не женился.

– Ой, женитесь уже скорей! – разозлилась Оля. – А то причёска вся развалится пока вы тут.

Сыграли они свадьбу по всем правилам. Кольцами золотыми обменялись, бабушка стала теперь Красовой, взяв фа-

милию деда, гуляли два дня, а после этого переехали к бабушке, поселились в маленькой однушке с его мамой и начали с тех пор суетиться. Дед и вправду пошёл работать на фабрику, только не художником, потому что подмастерьям в цеху платили больше, а новую семью нужно было поднимать. Жили, конечно, в тесноте, но не в обиде, но дед вознамерился получить квартиру побольше, чтобы всем было просторно и хорошо. И им двоим, и Бабе-Насте, и моей маленькой будущей маме. Дочку они называли Лена. Как говорил дед, Леночка.

Дед исполнил своё обещание и начал рисовать бабушкин портрет.

– Ну вот, Женечка, нравится тебе?

Бабушка смотрела с сомнением, немного прищутив глаза. Ей-то нравилось, но из-за своей скромности, она никак не могла примерить этот образ на себя.

– Ну красиво, конечно... но вот не знаю...

– Не знаешь что? – спрашивал дед.

– Ну вот не знаю... Губы, глаза... ну не такие же у меня совсем.

– Да почему не такие! Самые красивые! Самые твои!

– Ну... может, виднее тебе. – Разводила руками бабушка.

***

– Папа-папа! Хочу шарик! – плакала моя маленькая мама и скакала по кухне, как юла.

Было первое мая, они готовились идти на демонстрацию,

а дедушка изо всех сил пытался угодить дочери.

– Ну сейчас, сейчас, подожди. – Уговаривал он.

– Толь, мы идём или нет?

– Ну ты видишь, что тут. Шарики надо надуть.

– Чтоб летали хочу! – клянчила мама.

Дед натянул очередной шарик над конфоркой и включил плиту.

– Да ты дурак, что ли? – злилась бабушка. – Он не будет так летать.

– Будет-будет, – заверял её дед.

– Толь, ну ты чего. Там другой газ совсем!

Красный шарик округлился, назрел, как сладкий томат и вдруг – БАМЦ!

– Ааааа! – завизжала мама и заплакала.

– Толь, ну хватит! Купим на площади, пошли.

– Я сказал – отстань, ничего не понимаешь, – отмахнулся дед и взял новый шарик. – Не надо ничего покупать, я сам могу сделать.

– Да не можешь ты ничего! – бабушка схватила его за руку и потянула от плиты.

Она сильно злилась на него в последние дни. Так уж вышло, что обручальное золотое кольцо оказалось подделкой. Поначалу ценную вещь всегда берегут – снимают с пальца при мытье рук, до уборки, кладут на край раковины до мытья посуды. Со временем эта необходимость проходит. Забыл раз, второй – да и ничего страшного. Вот только после

очередной стирки, позолота слезла и кольцо, столь ценное и красивое на тонком пальце – оказалось медным. Бабушка очень переживала, усмотрев в этом некий тревожный знак. Дед тоже расстроился, не на рынке же купил, а заказывал официально. В те времена, когда прилавки магазинов практически всегда были пустыми, медь запросто притворялась золотом.

– Папа, шарик хочу! – ныла мама.

– Толь, пошли! – ругалась бабушка.

БАМЦ! – лопнул шарик.

И тут дед не выдержал. Развернулся к бабушке и шлёпнул её по щеке.

– Отстань, кому сказал! – крикнул дед.

Бабушка как стояла, так и заплакала. Большие тяжелые слёзы пролились на её щеки. Я не видела никогда, как плачет бабушка, но уверена, что это самое страшное зрелище.

– Жень... Женечка, прости, – сам дед испугался от этих слёз.

– Я Лену забираю и ухожу к маме, – объявила бабушка. Так она и сделала в тот день. Оставила на столе медное кольцо, похватила вещи, те, что лежали на видном месте, увела ревущую дочь за руку и вернулась на Париж.

– Да ладно, Жень, нормально всё будет, – утешала её Оля. – Таких, как этот твой, конь не валялся. Пусть только сунется сюда, дам я ему по лбу.

Всё рушилась у бабушки на глазах. Их совместное сча-

стье, семья, картины, всё лопалось, как воздушные шарик. А золотое свадебное кольцо оказалось фальшивкой. Видимо, как и их брак.

Но дед не мог так всё оставить. Пришёл к Бабе-Ире тем же вечером.

– О! Явился! – заметила его прыткая Оля.

– Оля, иди, дай поговорить, – отогнала её Баба-Ира. – Ты чего пришёл, Толь? Мириться что ли?

– Ну, а как же, – сказал дед.

– Ну, вы ерундой не занимайтесь. Дружно надо жить. Прощать друг другу, где сказать, а где смолчать.

Деду и самому было стыдно. Не хотел он так.

– Ты мою дочь обижать не вздумай, – пригрозила ему Баба-Ира. – Мы за своих горой будем стоять.

– Вот-вот! – выскочила Оля у бабки из-под мышки, – знай наших!

– Я не обижу её больше никогда. Обещаю, – сказал дед. И я точно знаю, что он своё слово сдержал. Вошёл в половину дома, собрал вещи и повёл свою небольшую семью обратно.

– Женечка, любимая, не плачь, – утешал её он вечером, прижимая к груди руками, которые объединяли в себе крепость и силу рабочего с нежностью и аккуратностью художника. – Придумаем что-нибудь с кольцом. Мама моя сказала, что в столовую пойдёт работать, я на фабрике ещё поднапрягусь, может до мастера повысят. Всё будет у нас хорошо. И портрет твой закончу скоро. Немного осталось.

Она смягчилась, обняла его в ответ. Ответила теплом на тепло.

– И переедем в новую квартиру? – спросила бабушка, утирая слёзы.

– А как же!

***

С того момента они больше не расставались. Всё в семье Красовых завертелось, закрутилось, засуетилось. Накопили на кольцо, родилась вторая дочка, назвали Мариной (по-дедовски – Маришкой). В то время жизнь в городе сосредотачивалась вокруг фабрик и заводов. У платочной фабрики, где работал дед, были свои жилые дома, свой стадион и детский сад, куда пошла работать моя бабушка. Платили, правда, иногда тоже платками, но ничего, выживали потихоньку. Когда моей маме и браку дедушки с бабушкой исполнилось 12 лет, руководство фабрики выделило им квартиру в том же доме, но в другом подъезде. И не однушку, а самую настоящую большую квартиру с двумя комнатами и огромным залом.

Моя мама вбежала внутрь нашего нового дома, который навсегда останется местом встреч и семейных ужинов. Мама увидела на стене то, что знала с детства лучше всего – увидела картину. Не дедушкину, а ту, что осталась от прошлых жильцов. Да и на самом деле это была не настоящая картина, а янтарная, из мелких жёлтых камушков, которые имитировали деревья и поля. Мама хотела снять её со стены, что-

бы повесить портрет бабушки. Янтарная картина просто не смотрелась на этой стене, была чужой. Мама подвинула раму и тут... из-под рамы по голой стене заскользило полчище страшных рыжих тараканов.

– А-а-а-а! – завизжала она, что есть сил и ринулась в подъезд.

– Ну что орёшь-то так, – утешил дед. – Ну ничего страшного.

– Я не хочу здесь жить! – плакала моя мама, а ей в голос вторила Марина.

– Ну мы только въехали, Лен, – разводила руками бабушка.

– Леночка, – уговаривал дед, – всё обойдётся. Сделаем здесь ремонт...

Так в нашей семье появилось слово «ремонт». В нём было всё. И суета, которую так любили тогда мои бабушка с дедом. И многочисленные хлопоты, изменения, движения. На ремонте бабушка с дедом и сошлись вместе. В нём зиждись оба их начала – бабушкин жизненный ключ и стремление деда к красоте.

Постепенно дом стал обретать свои очертания. На стенах выросли и распустились ковры, расставилась горделивая мебель, включая знаменитый раскладной стол. Места стало так много, что дед даже умудрялся находить время для своих картин.

– Женечка, ты мне попозировешь? Мне дорисовать оста-

лось немного, портрет твой закончу.

– Ой, Толь, – отмахнулась бабушка. – Да некогда мне. Шторы вот нужно летние повесить.

– Ну ты немножко.

– Да что тебе портрет этот, – сказала бабушка, – уже было сто лет назад. Нарисуй новое что-нибудь.

Так дедушка и сделал, решив во всем слушаться бабушку. Рядом с коврами своё место на стенах обрели картины. Сначала медведи Шишкина выбрались на лесную опушку, затем к ним присоединились и блаженные мадонны – обе с детьми на руках, ведь и детей в семье было двое. И два задумчивых ангелочка смотрели с холста картины Рафаэля. Но вот портрет единственной в доме мадонны так и не попал на стену. Слишком уж давно дед забросил его писать. Вот и на лице бабушки нашли место первые две морщинки возле губ. Со всем крошечные, едва заметные. Зато незаконченный портрет их не знал. Дед убрал его подальше, чтобы не испытывать чувство стыда. До поры до времени.

– Всё ты трудишься, Женечка. Оставь ты эти шторы, поедем куда-нибудь?

– А что... – бабушка замерла, стоя на подоконнике. – Почему бы и не поехать.

Младшая дочь Марина на тот момент подросла, можно Бабе-Насте оставить, да и Лена уже большая, приглядит. Бабушка с дедом начали свои поездки. Конечно, не везде позволял занавес, но лазейки они находили. Варшава,

Прага, Рига, Будапешт, ходили по музеям, гуляли по улицам, кафе, а как-то раз даже попали в настоящее кабаре. И смех, и грех! Дед, наконец-то увидел оригиналы своих любимых картин. Несравненные полотна Рембрандта, Леонардо да Винчи, Боттичелли. По своей стране тоже катались. Рюкзак походный за спину, и вперёд – по горам. Ночевали в палатках, любовались звёздным небом, пели у костра. А домой возвращались с гостинцами. То люстру привезут, то чайный сервиз, всё в дом, в хозяйстве пригодится. Как приедут, ремонт доделывали. Выкопали два подпола, благо жили на первом этаже. Для солений и картошки.

Убиралась как-то бабушка, а это страшное дело, и опять наткнулась в шкафу на свой портрет.

– Так и не закончил его, Толь, – сказала она ровным голосом. Без сожалений и упрёков.

– Да... – протянул дед стыдливо.

Посмотрела бабушка на портрет, как в волшебное зеркало. Странно это, когда у тебя есть портрет. Как сестра-близнец, только моложе лет на двадцать.

– Жень, хочешь, закончу прямо сейчас? – предложил дед.

Бабушка всё смотрела и смотрела. Не то чтобы любовалась, скорее раздумывала.

– А знаешь, – сказала она. – Не стоит. Ты его убери куда подальше. В подпол, может.

– Как в подпол? – испугался дед.

– Ну вот так. А то смотрю на него и кажется, что старая

такая стала.

– Да где ты старая? – засмеялся дед. – Ты посмотри на себя!

– Ну, знаешь... чувство у меня такое. Как будто если я буду не него смотреть, то начну сравнивать и постарею быстрее. А так останусь всегда молодой. Прямо как здесь.

Так у бабушки появилась своя тайна, связанная с портретом, потому что с того момента она и правда не старела. Конечно, постепенно годы брали своё, морщинок на лице прибавлялось, пальцы, увлеченные стиркой, глажкой, готовкой, уборкой, со временем начали хуже сгибаться, и кожа на руках стала сухой, но бабушка этого не замечала. Она жила поездками, семьей, детским садом, походам в гости к подругам, она никогда не сидела на месте, всё время на бегу.

Деду не оставалось ничего, как послушаться и спрятать портрет в подпол. Там он и лежал долгие-долгие годы в кругу картошки, банок с соленьями и вареньем, старых фотографий, велосипеда, многочисленных железок и паяльных схем.

***

Квартира Красовых с такими активными жильцами никогда не отдыхала. Один ремонт сменялся другим, зимние занавески сменялись весенними. Всё лето проходило на огороде. Картошку сажали, окучивали, обрабатывали от колорадских жуков, потом собирали в мешки и везли на велосипеде в подпол. Квартира принимала гостей, а дети вырастали. Мои бабушка и дедушка наконец-то стали настоящими

бабушкой и дедушкой. Я горжусь этим, потому что это моя заслуга. Но родилась я не там, а далеко в Москве, куда отправилась моя мама строить свою жизнь. У неё не всё вышло так складно, как она хотела, но мама не отчаивалась, ведь у неё появилась я. Мне было почти три года, когда она принесла меня в квартиру Красовых. Я не знаю, были ли у неё слёзы на щеках. Я надеюсь, что нет, потому что все женщины в нашей семье всегда были сильными.

Бабушка сразу взяла меня на руки и пошла баюкать.

– Ничего, Леночка, – Успокоил её дед, – наш дом, это и твой дом. Так всегда было. И Полинку вырастим. Будет у нас Полинка-картинка. – С годами дед стал всё оригинальнее на прозвища.

– Спасибо пап, – ответила моя мама.

– Да какой я тебе папа, – отмахнулся он. – Я же теперь дед!

Я думаю, что именно к этой роли мой дедушка всегда стремился. Так же, как и бабушка. Они очень соскучились по детям в доме. И я была рада подарить им столько счастья.

Детство в маленьком городе никогда не могло бы сравниться с детством в Москве, поэтому мне очень повезло. Меня вскоре отдали в детский сад, где работала бабушка, он был в шаге от дома. Лето проходило в огромном поле, в огороде и на маленькой сидушке дедова велосипеда. Я сама так и не научилась ездить на велосипеде, потому что меня всегда возил дед. В своем городе, не в том, в котором я родилась, но который меня воспитал, я облазила все деревья и оббегала

все овраги. Все мои мячи улетели за забор старой сварливой бабки с козой. Я подолгу разглядывала дедушкины картины и, загипнотизированная, смотрела, как старые морщинистые руки Бабы-Настии раскладывают на диване карты. Она делала это невероятно медленно, но оторваться было невозможно: «Тебе... мне... тебе... мне». Творилась какая-то магия, настоящее волшебство. Играть в «Козла» было легко, но не так интересно, как следить за манипуляциями этих пальцев. Баба-Настя умерла, когда я была совсем маленькой. Я почти не помню её, только карты, руки и голос. Но они – это одно из самых ранних моих воспоминаний.

***

После того, как Бабы-Настии не стало, за мной стала круглосуточно приглядывать бабушка. Она приводила меня в детский сад, следила за мной там и уводила обратно домой. Бабушка была для меня самой любимой воспитательницей и самым лучшим в детском саду Дед Морозом на Новый год. Сколько я помню своё детство, рядом всегда была она. Мама тогда уже вышла на работу, и я ждала её долгими вечерами, чтобы она пришла и почитала мне на ночь. Большую часть времени я проводила с бабушкой.

– Ба, – сказала я, ползая по их с дедом кровати. Вечера мы часто с ними проводили у телевизора. Там показывали «Комиссара Рекса» и самые лучшие телешоу: «Любовь вслепую», за которыми следовали «Бои без правил». Моя бабушка тогда считала себя слишком молодой, чтобы смотреть

скупные мыльные оперы. – А где мама?

– На работе мама твоя. Не придёт никак.

– А если мама так и будет на работе, ты будешь мне мамой? – предложила я сделку.

– Ох, внучка, – рассмеялась бабушка, – ну а кто же я? И бабушка, и мама. Конечно, буду.

Я тогда не видела сильной разницы между мамой и бабушкой. Они были как будто продолжением друг друга. А вот дедушка всегда оставался дедушкой. Уж слишком подходила ему эта роль, словно всю свою жизнь он готовился им стать. С годами он стал хуже слышать. Сказалась работа на фабрике, в ткацком цеху. Он так и не стал художником, но зато на фабрике и в клубе, где он на протяжении многих лет был лучшим Дедом Морозом, его все уважали. С тем, как из его жизни стали пропадать звуки, он забирался всё глубже и глубже в себя. Проводил много времени в подполе, паял там схемы (в комнате бабушка не разрешала этого делать), на семейных застольях всё реже разговаривал, вместо этого слушал телевизор в радио-наушниках и согласно кивал, когда его спрашивали.

Как хотелось бы деду угнать за бабушкой. Иногда, сидя в подполе, он доставал её портрет и любовался им, немного завидуя. И почему он не написал свой автопортрет раньше? Может быть, тоже тогда не стал бы дедом, а остался всегда только папой? Он много думал об этом. Что если в его руке таилась эта волшебная сила? Что если с её помощью

он мог бы изменить мир? Что если секрет вечной радости жизни крылся в заброшенных тюбиках, закрытых на замок этюдника? А ведь и впрямь сработало! Бабушка не старела. Он смотрел на портрет и видел её – глубоко посаженные тенные глаза, бархатные губы, ворох курчавых волос. Да, на её лице с каждым годом добавлялась какая-нибудь крошечная морщинка, и кожа, которая всегда купалась в солнце, с возрастом стала не такой свежей. Но вот ключ жизни никуда не делся. Бабушка не собиралась стареть.

Во всеуслышанье она объявила об этом, когда ей исполнилось пятьдесят пять лет.

– Всё, больше я не старею! – огласила она торжественно. – Вот отныне мне всегда будет только пятьдесят пять!

И никто в нашей семье не подумал бы ей перечить. С тех пор каждый год мы поздравляли её с очередным пятидесятипятилетием. Так моя бабушка законсервировала время и оставила его храниться в подполе вместе с вареньем и соленьями.

***

Дедушка как-то зашёл на кухню, а бабушка стояла возле окна задумчивая, молчаливая, немного грустная. Он подошёл и обнял её за плечи.

– Ты что, молчишь, Женечка?

– Да вот думаю...

– Скучаешь?

Дед всегда предугадывал бабушкины настроения.

– Да, как-то комната наша надоела. А что, если нам всем комнатами поменяться?

– И дверь из зала замуровать, а в коридоре пробить. – Предложил дед.

– И стенку перед залом достроить. – Подхватила бабушка.

– С раздвижными дверьми.

– Обои переклеить...

– И окна пластиковые вставить пора.

– Ну что, ремонт?

– Ремонт!

Понеслась новая чередa ремонтов. В них проходили годы. Бабушка с дедом всегда славились удивительным талантом в оценке того, что можно поменять в доме. Наша квартира прыгала, скакала вместе с ними, меняла краски и очертания. Они вдвоём всё суетились в этой бесконечной пляске обновлений. Лето проходило на огороде, зимы в ремонтах. Осенью варили варенья, перебирали грибы. Весной устраивали генеральную уборку, переворачивая весь дом с ног на голову.

Потом золотую свадьбу справили, новыми кольцами обменялись, теперь-то точно золотыми. Сидели отмечали, когда дед вдруг отлучился на несколько минут, а вернулся с бабушкиным портретом.

– Дед, это что, ты нарисовал? – восхитились мы. – А раньше почему не показывал? Ну и что, что незаконченный! А где он был? Как это в подполе? А почему не на стене? Бабушка, ты это как допустила?

– Ой, не нужно, Толь. – Тихонько сказала она. – Убери, не надо.

– Почему ещё не надо? – возмутились мы.

Только бабушка с дедом молчали. Переглядывались, думали об одном и том же. Хранили общую тайну.

***

Так и жили они вместе больше пятидесяти лет. Дедушка понемногу старел, а бабушке было всё не до этого. Она даже болеть на успевала. Да и когда? Это же время надо найти. Сначала домчись до Парижа, там цветы полей, обратно прибеги, внуков на кружки, соседке хлеб принести нужно, да мусор вынести, а то она одна живёт, не ходит. Вот и взяла бабушка над ней шефство, заодно и поговорить с кем найдётся. Потом, когда все внуки подросли, стала раз в год в Эссентуки ездить. И там гуляла, в гостинице не сидела никогда. А возвращалась, деда начинала гонять за то, что тот опять в комнате паяет. И всё у бабушки крутилось, варилось, стиралось, неслоь на всех парах.

Дед с каждым годом всё чаще молчал. Забросил огород, всё равно там воровать начали. Пропал и велосипед, уже ездить стало тяжело. Слуховой аппарат едва ли помогал принимать участие в разговорах. Да и ничего, бабушку он и без слов понимал. Она однажды с горечью вздохнула:

– Дед, неужели мне тебя хоронить придётся?

Он ничего не ответил, только руками развёл. Хотел бы он угнаться за бабушкой. Но куда! Никому было не поспеть за

этим горным потоком. Ни на велосипеде, ни на космическом корабле.

И поэтому никто из нас ничего не понял. Она и сама не поняла. Купила платье на лето, постриглась и прокрасилась. Перемыла накануне всю кухню, зашла к соседке с утра, приготовила рассаду, вернулась домой и сделала винегрет.

– Что-то устала, кажется. Пойду полежу, – объявила она домашним.

Дед был рядом в кресле, младшая дочь Марина с сыном в соседней комнате. Кот валялся на диване по соседству, потом вдруг поднялся и лёг у неё в изголовье. А бабушка просто перестала дышать.

***

Так и прошла целая жизнь. Когда в храме открыли гроб, никто из присутствующих не поверил глазам. Смерть по взмаху руки забрала у бабушки молодость. Только вчера ей было пятьдесят пять, а теперь разом стало за семьдесят. Был апрель на дворе, но на улице падал январский снег, месяц, в который она родилась.

Больнее всего было смотреть на деда возле разрытой могилы. Он, как всегда, держал горечь в себе. Если и плакал, то незаметно, тихо и робко. Просто смотрел, как клубы земли падают на гробовую доску. На кладбище в тот день было безлюдно и мирно, а сквозь свежавыпавший снег проклёвывались синие первоцветы.

Пришли всей толпой в квартиру Красовых, натаскали сто-

лов и стульев. Усадили всех кое-как за понурые столы. Есть начали не сразу. Казалось, вот-вот она на кухне закончит с горячим и войдёт в зал с целым противнем картошки с мясом. Всё ждали её и ждали. А потом дружно разглядывали незаконченный портрет. Бабушка на нём была похожа на бабочку, порхавшую среди зелёной листвы.

– А почему не закончил, дед?

– Ну... почему-почему. Как объяснишь-то. Это же жизнь целая... – уклончиво ответил дед, сохранив бабушкину тайну. А сам всё разглядывал портрет, её такую молодую и полную жизни и ярче всего сейчас чувствовал то волшебство, что сохранил в себе холст.

– Дедушка, ты только держись, пожалуйста, – попросили мы его.

– Но это ничего, – вдруг сказал он. – Я портрет закончу. И опять рисовать начну.

И в тот момент что-то светлое и тёплое озарило его лицо. Задремавшая внутри любовь к красоте согрело сердце деда, развеяв столь долгое молчание. Нерастроченная до конца сила портрета влилась в его душу и там забил бабушкин золотой ключ жизни.

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.